

Наимова Е.А.

УДК 81.161.1, 371

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «ВИНО» В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ О.ХАЙЯМА

«Пожалуй, во всем мире не найти книг, подобных сборнику стихов Омара Хайяма, расхваленному, преданному анафеме и ненавидимому, искаженному и оклеветанному, подвергнутому скрупулезному толкованию, снискавшему всеобщую славу, завоевавшему весь мир и, в конечном счете, так и не познанному» [4, с. 47].

Уникальным источником материала для реконструкции концепта «вино» как фрагмента индивидуального сознания великого О.Хайяма являются его рубаи. В данной статье мы рассмотрим особенности концепта «вино» в поэтическом наследии поэта, представленного в переводах О. Румера, Г. Плисецкого, Э. Фитцджеральда, И. Тхоржевского, Д. Седых, И. Голубева, И. Ивсы и др.

Термин «концепт» для отечественной лингвистики, в отличие от зарубежной, относительно нов. Полноправное использование термина «концепт» начинается в 80-х годах с переводов англоязычных авторов. Дальнейшее использование термина «концепт» было связано с расширением предметного поля лингвистики за счет ее взаимодействия с философией. Далее наполнение термина определилось в сторону психологии. Интерпретация термина «концепт» стало ориентироваться на смысл, который существует в человеке и для человека, на означивание и коммуникацию [2]. Концепт – это объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире «Действительность». Сама же действительность, по мнению Вежбицкой, дана нам в мышлении через язык [1].

Отправной точкой нашего исследования является тезис о том, что концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то в виде чего культура входит в ментальный мир человека <...>, тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово». В отличие от понятий в собственном смысле термина, концепты не только мыслятся, они переживаются. Они предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений [9, с. 40].

Цель данного исследования – установить значимые смыслы и оценочные характеристики концепта «вино» в творчестве О.Хайяма.

В ментально-языковом пространстве понятие вино согласно Словарю В.И. Даля воспринималось как: 1) растительная жидкость, перешедшая третью степень брожения и получившая от этого пьяное свойства (сахарное, красное, виноградное), 2) водка (разг.)

В Словаре русского языка в 4-х томах под редакцией А.П. Евгеньевой (МАС) понятийный объем языковой единицы сужается: 1) алкогольный напиток, полученный обычно в результате брожения винограда (виноградное, красное); 2) разг. водка.

В поэтическом сознании О.Хайяма языковая схема концепта «вино» реализуется иначе и развивается в нескольких направлениях:

1) **«Вино» – истинные ценности бытия:** молодость и любовь, весна и цветение садов, музыка и песни, зрелость и творчество, научное познание мира и общение с друзьями, старость и мудрость, стихи и умный спор, вдохновение, свобода.

Вино – всей жизни цвет. Нам дух застолий люб.. [8, с.186]

Смертный, думать не надо о завтрашнем дне,

Станем думать о счастье, **о светлом вине**... [4, с. 47].

Под мелодию флейты, звучащей вблизи,

В кубок **с розовой влагой** уста погрузи [4, с. 48].

Сад цветущий, подруга и **чаша с вином** –

Вот мой рай! Не хочу очутиться в ином [4, с. 49].

Да пребудут со мною **любовь и вино!**

Будь что будет: безумье, позор – все равно!... [4, с. 58].

Пей **вино**, ибо радость телесная – в нем.

Слушай чанг, ибо сладость небесная в нем... [3, с. 138].

Если мудрому знанье о мире дано, –

Радость, горе, печаль он приемлет равно.

Будь, чем хочешь: **вином, утоляющим жажду,**

Или **жаждой**, что в нас порождает оно [6, с. 47].

2) **«Вино» – река жизни:** поток живых страстей и жизненных перипетий, течение времени, «наполнившаяся мера».

Мерило дней моих, вино, твоя струя

Журчала мне про суть земного бытия [8, с. 242].

Ах, утопи, **вино**, в своих волнах

О прошлом грусть и пред грядущим страх

Ведь завтра, может быть, утонем мы

В бесчисленных умчавшихся веках [4, с. 288].

Считай, что ночь не сну, а смерти отдаешь.

Успей **вина** испить! Успеется, заснешь» [8, с. 253].

3) **«Вино» – душевная усталость**, сумма тягостных переживаний, гнет старости, одиночество, смерть.

Принесите **вина** – надоела **вода!**

Чашу жизни моей наполняют года... [4, с. 60].

Пей с любой подругой из чаши любой

Виноградную кровь, ибо в черную глину

Превращает людей небосвод голубой [4, с. 63].

... Доколь взамен вина глотать **осадок жизни**?

Так жизненечерпий подл и до того хитер,

Вот выплесну пред ним **дрянной остаток** жизни!. [8, с. 345].

...**Хмельною горечью** обманута тоска.

А горечь не порок, в вине она приятна,

Привык я к горечи, вся жизнь моя горька [8, с. 347].

...Упьюсь! **Вино, как смерть**, подкосит – лучше нет [8, с. 347].

4) **«Вино» – собственное хайямовское учение.**

...Но нет **вина**? Постой, я принесу такого,

Что черпай пригоршней его как пиалой! [8, с. 183].

...Давайте сплотимся, иначе едва ли

Мы в винном сосуде утопим печали... [6, с. 102].

Что значит «**путь кутил**», что значит «**зелье пить**»?

Наперекор судьбе всегда веселым быть:

Не веселить народ, когда и так веселье,

А в невеселый день веселье всем дарить [8, с. 345].

Вина – другого я и не прошу... [4, с. 188].

5) **«Вино» как таковое**, привлеченное Хайямом в союзники, именно за то, что оно запрещено шариатом. Благочестивые зарок не для тех,

Кому **вино** милей дозволенных утех... [8, с. 243].

...**Вино – исламу враг**, и это мне известно;

Ей-богу, **вражью кровь** пить не запрещено [8, с. 235].

Вино запретно... Коль пить не до конца,

И время выбирать, и не терять лица,

Получится, коль вы учли все три совета, **вино**

Не бражка пьяницы, а **отдых мудреца** [8, с. 274].

О вино! Заменяй мне любовь и Коран.

О духан! Я – я из верных твоих прихожан... [4, с. 98].

...«В кабаке, друзья! Пусть **бьет вино ключом**,

Пока ключ жизни не иссяк для нас» [4, с. 282].

В составе индивидуального ассоциативного поля «вино», представленного в переводах, может быть выделено ядро – группа словосочетаний и словоформ, находящихся с именем поля в синонимических отношениях: **расплавленный лал** [3, с. 135], **искрометная влага** [6, с. 43], **рубин из чаши** [8, с. 248], **дочь Лозы** [4, с. 300], **нектар хмельной** [8, с. 347], **вражью кровь** [8, с. 235], **гроздий сок** [4, с. 204], **хмельное** [8, с. 347], **кровь пурпурной лозы** [6, с. 143], **сок родимых лоз** [4, с. 311], **живая вода** [4, с. 218], **виноградная кровь** [4, с. 80], **алая влага** [4, с. 213], **розовая влага** [4, с. 48], **зелье** [8, с. 188], **огненная влага** [3, с. 135], **злая вода** [5, с. 224], **горькая отравка** [7, с. 183], **исцеляющая влага** [5, с. 197], **влага хмельная** [6, с. 76], **прохладная кровь винограда** [6, с. 52], **напиток** [4, с. 284], **кровь девственной лозы** [6, с. 68], **рубин** [6, с. 65], **винограда рубиновый шелк** [6, с. 86].

Представлена в ассоциативном поле и своеобразная градационная шкала антиподов: вино – вода. «Принесите **вина** – надоела **вода!** Чашу жизни моей наполняют года...» [4, с. 60]; «Кто – все ниже склоняя **кувшин обливной** – Пил **вино бытгия**, а не пресную воду» [6, с. 77]; вино – друг «...Пей **вино**, ибо **друг человеку** оно...» [4, с. 70]; «**Вино** не только **друг** – **вино мудрец**. С ним разнотолкам, ересям конец...» [4, с. 70]; вино – враг «...**Вино – исламу враг...**» [8, с. 256], вино-жизнь, вино-смерть «Жизнь – **горькое и пьяное вино...**» [4, с. 213]; «Упьюсь! **Вино, как смерть**, подкосит – лучше нет...» [8, с. 347]; вино – кровь «...Багровая струя!... **Вина** не стану пить. Лоза, здесь **кровь** твоя!...» [8, с. 270]; вино – лекарство и вино – яд, «...Что – бессмертья залог? Я отвечу: **вино**. *Быть лекарством* и *ядом* ему суждено» [6, с. 118], что в традиционном лексикографическом представлении не относятся к прямым антиподам вина.

Вино рассматривается как источник самых разнообразных эмоций и состояний автора, как положительных: удовольствие «Пей **вино**, ибо радость телесная – в нем. Слушай чанг, ибо сладость небесная в нем...» [6, с. 138], наслаждение, радость «**Прозрачной радостью** дарящее вино В руках моих приют нашло себе давно...» [8, с. 240], праздник, блаженство «Хрусталь наполни вновь **рубиновым огнем**. Какой блаженный миг нам дали на мгновенье!» [8, с. 248], волшебство «Когда я чару взял рукой и выпил **светлого вина**, Когда за чарою другой вновь чара выпита до дна...Я вижу тысячу волшебств, мне вся Вселенная видна» [4, с. 167]; хорошо, восторг «Под мелодию флейты, звучащей вблизи, В кубок с **розовой влагой** уста погрузи. Пей, мудрец, и пускай твое сердце ликует...» [4, с. 48], прекрасно, свобода «Хлебнешь **вина** еще – избавишься от пут» [8, с. 236], счастье «...Станем думать о счастье, о светлом вине...» [4, с. 70], рай «Сад цветущий, подруга и **чаша с вином** – Вот мой рай! Не хочу очутиться в ином» [4, с. 49], так и отрицательных: грусть, забвенье, смерть «Круг небес, неизменный во все времена, Опрокинут над нами, как **чаша вина**. Это чаша, которая ходит по кругу, Не стони – и тебя не минует она» [3, с. 132], потери «...**Горька** ли чаша иль **полна услад** – **Напиток жизни** смякнет с каждым днем...»

[4, с. 284], одиночество «Друзей, с которыми сидели мы досель, Поуводила смерть в уютную постель Им так понравилось б **вино существования!** И – раньше нас на круг свалил их **сладкий хмель**» [8, с. 352], скорбь «**Багровая струя!**.. Вина не стану пить. Лоза, здесь **кровь** твоя! Вина не стану пить!» [8, с. 270], старость «Жизнь-виночерпий, ты меня обжулишь все равно. Мне опротивело твое **поддельное вино**. Уж лучше выплесну в сердцах **остаток мутный**, Коль **настоящего вина** отведать не дано!» [6, с. 50].

Особое место в рассматриваемом ассоциативном поле занимает метафора, или метафорический способ представления концепта. Явление это отнюдь не случайное. Метафора, представленная в ассоциативном тезаурусе О.Хайяма представляет собой «сгусток» мысли, требующий разгадки. Наиболее устойчивым способом метафоризации в ассоциативном поле оказывается уподобление вина различным стихиям, благодаря чему актуализируются такие свойства вина как сила, неконтролируемость:

Вино – огонь «...Обжигает **огнем**, но людские печали, как живая вода, утоляет оно» [6 с.41] «...Хрусталь наполни вновь рубиновыми **огнем...**, Ибо жаркие губы любимой и кубок С этой **огненной влагою** – в кровной связи» [3, с. 135], «...Живым **огнем вина** зажги ее опять...» [8, с.294]. **Вино – вода: живая вода, море.** «*Как живая вода, утоляет оно*» [6 с.41], «Виночерпий, **живую водой** напои!» [4, с. 218], «...**Вино**, друзья, пусть льется **как вода!**» [4, с. 292], «Ах, утопи, **вино**, в своих волнах...» [4, с.288]. **Вино – любовь:** «*Взахлеб вино любви* (все прочее – вода) Я *пью с огнем в крови* не ведая стыда [3, с. 147]. **Вино – рубин:** ассоциация с драгоценным камнем «Виночерпий! **Расплавленный лал** принеси...» [3, с. 135], «**Вино – рубин**. Кувшин – рудник. А тело – пиала...» [8, с. 250]. **Вино – живое существо:** с персонификацией вина, с попыткой придать ему статус «существа», связаны ассоциативные пары: «**Вино** не только **друг – вино мудрец**», «...**Вино – исламу враг...**» [8, с.235], «Мой отравитель – мир, **вино – целитель мой**» [8, с. 250], «**Вино – алхимик:** превращает разом В пыль золотую жизненный свинец». «**Вино – непобедимый грозный шах...**» [4, с. 302], «...И **дочь Лозы** – теперь жена моя» [4, с. 300]. «...**Вино – подсказчик** там, где ум витает мой...» [8, с.189]. **Вино – кровь:** ассоциации с человеческой кровью, рубайи о бренности бытия «Ей-богу, **вражью кровь** пить не запрещено» [8, с. 256], «Вино – живая **кровь лозы**, и мне она вредна» [6, с. 56]; «**Багровая струя!** Вина не стану пить! Лоза, здесь **кровь** твоя! Вина не стану пить!» [8, с. 270]. **Вино – течение времени:** «**Мерило дней** моих, вино, твоя струя Журчала мне про суть земного бытия...» [8, с. 242]; «Доколь взамен вина глотать **осадок жизни?** Так жизнечерпий подл и до того хитер, Вот выплесну пред ним **дрянной остаток** жизни!.. [8, с. 345]; «Сомненья тебя изнуряют. Поймать ты не в силах мерцающей нити судьбы. А *жизнь* твоя – **чаша**, которой **вино измеряют**» [6, с. 143], «**Напитком вечности** зовут вино. Испей...» [8, с.205]. «**Вино – смерть:** «Пока на розах мы с тобой сидим, Пей **гроздий сок**. Когда же серафим Тебе **темней напиток** *поднесет*, Прими его, душой непоколебим» [4, с.296], «О камень ты **разбил кувшин с вином**, Господь, Врата услад закрыл для уст моих господь. Ты землю окропил **лозы живую кровью**, Будь проклят я, но Ты, возможно, пьян, Господь?» [6, с. 60].

Языковой образ вина расширяется в ментальном пространстве поэта за счет адекватных парадигм, репрезентирующих признаковые свойства. Как показывает анализ, их структура определяется жизненными этапами автора и обусловлена особенностями интерпретации событий, переживаний происходящих в молодости, в зрелые годы и в старости. В молодости вино «**чистое**» [4, с. 62], «**прозрачное**» [8, с. 240], «**сок лоз**» [4, с. 311], «**светлое**» [4, с. 47], «**сладкое**» [8, с. 264], «**искрометное**» [6, с. 43], «**розовое**» [8, с. 248].

В зрелости оно становится «**пурпурным**» [4, с. 51], «**рубиновым**» [8, с. 266], «**красным**», «**алым**» [3, с. 154], «**настоящим**», «**вызревшим**» [8, с. 249], «**волшебным**» [6, с. 74], «**хмельным**» [4, с. 47], а в старости вино превращается в «**поддельное**» [6, с. 50], «**багровое**» [8, с. 270], «**кровоавое**» [6, с. 130], «**горькое**» [4, с. 213], «**мутное**» [8, с. 270], в «**кровь**» [6, с. 143], и «**осадок**» [6, с. 50] – это постепенно накапливается с годами сумма тягостных переживаний, душевная усталость, гнет старости.

Вино относится в индивидуальном языковом сознании О.Хайяма к разряду жизненно важных чувств, определяющих смысл человеческого существования поэта. Экспликации взаимной соотнесенности концептов «**вино**» и «**жизнь**» служат представленными в ассоциативном поле цепочки: **вино – напиток жизни** [4, с.284] – **вино существования** [8, с.352] - **вино бытия** [6, с. 65].

Эксплицируется в ассоциативном поле и соотнесенность концептов «**вино**» и «**смерть**»: «Упьюсь! Вино, как смерть, подкосит – лучше нет...» [8, с. 347]. Тесно связанными в ассоциативном тезаурусе оказываются концепты «**вино**» и «**время**», они предстают в индивидуальном ментальном сознании Хайяма в неразрывном единстве: «Поймать ты не в силах мерцающей нити судьбы. А *жизнь* твоя – **чаша**, которой **вино измеряют**» [6, с. 143], «**Мерило дней** моих, вино, твоя струя Журчала мне про суть земного бытия» [8, с. 242].

Тесно связаны в ассоциативном тезаурусе концепты поэта «**вино**» и «**любовь**»: «Лунолика! в кубок уста погрузи, Ибо жаркие губы любимой и кубок С этой **огненной влагою** – в кровной связи» [6, с. 135], «Да пребудут со мною **любовь и вино!** Сад цветущий, подруга и **чаша с вином** – Вот мой рай! Не хочу очутиться в ином» [4, с. 49]., «Люби красавиц, пей вино, Коль в этом знаешь толк...» [6, с. 42].

Связь концептов «**вино**» и «**пространство**» опирается большей частью на активизацию в сознании представлений об определенной ситуации, хранящейся в индивидуальном опыте поэта (сад, пустыня, рай, зеленый луг, царство, веселый пир, кабак и т.п.): «В окруженьи друзей, на веселом пиру Буду пить эту влагу, пока не умру!» [4, с. 216], «Сад цветущий, подруга и **чаша с вином** – Вот мой рай! Не хочу очутиться в ином» [4, с. 49], «В кабак, друзья! Пусть **бьет вино ключом**, Пока ключ жизни не иссяк для нас» [4, с. 282].

Взаимно соотнесенными оказываются концепты «**вино**» и «**свобода**»: «Хлебнешь **вина** еще –

избавишься от пут» [8, с. 236], «Нищий мнит себя шахом, напившись вина» [4, с. 94], «...И вину отдаю благородный поклон. От оков бытия я сегодня свободен И блажен, словно в высший чертог приглашен» [4, с. 145]. Находящаяся на периферии смыслового пространства и не отражаемая современными толковыми словарями взаимная соотнесенность концептов «вино», «бог», «религия» отчетливо проявляется в ассоциативном тезаурусе поэта: «Я в злобный рок не верю, коль мне Творцом дано Из рук прекрасной пери волшебное вино...» [6, с. 74], «О камень ты разбил кувшин с вином, Господь, Врата услад закрыл для уст моих господь. Ты землю окропил лозы живою кровью, Будь проклят я, но Ты, возможно, пьян, Господь?» [6, с. 60], «О вино! Заменяй мне любовь и Коран. О духан! Я – я из верных твоих прихожан» [4, с. 98], «Пред непреложной логикой вина Все семьдесят две секты – ложка одна?» [4, с. 301], «Я за один глоток вина отдаю сокровища Китая. И сто религий – за хрусталь хмельного кубка в час рассветный...» [6, с. 107].

Подведем некоторые итоги, вино в ассоциативном тезаурусе, отражающим индивидуальную картину поэтического мира О.Хайяма, предстает крайне противоречиво, оно одновременно «духовное» и «телесное». Вино оценивается как источник положительно окрашенных эмоций / состояний, и одновременно – как причина страданий, как своего рода недуг. Но верно одно, что те чувства, переживания, которые оно вызывало, и составляли смысл существования великого поэта.

Источники и литература

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М., 1996. – 416 с.
2. Краткий словарь когнитивных терминов / [под ред. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.]. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 245с.
3. Лирика. Из персидско-таджикской поэзии / Рудаки, Ибн Сина, Насир Хосров, Омар Хайям, Саади – М.: Художественная литература, 1987. – 462 с.
4. Омар Хайям. Рубаи / Омар Хайям. – М., 2007. – 352 с.
5. Омар Хайям. Рубаят. Трактаты / Омар Хайям. – М.: Эксмо, 2006. – 480 с.
6. Омар Хайям. Сад истин. Рубаи / Омар Хайям – М.: Эксмо, 2007. – 400 с.
7. Омар Хайям: Чаша мудрости / Омар Хайям. – Симферополь: Издательство «Реноме», 2001. – 368 с.
8. Омар Хайям. Четверостишия / Омар Хайям. – Смоленск: Русич, 2006. – 512 с.
9. Степанов Ю.С. Константы Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

Ничик Н.Н.

СИСТЕМА ДОМИНАНТ В ЯЗЫКЕ ПРОПОВЕДЕЙ АРХИМАНДРИТА ИОАННА (КРЕСТЬЯНКИНА)

Одним из активных жанров конфессионального стиля является проповедь – «разумное, живое слово, приносящее свой плод в душах слушателей», по мнению архиепископа Аверкия (Таушева) [1, с. 7], исторически восходящая к древнерусскому жанру слов. Формула церковного красноречия, прежде всего проповеди, была определена ещё в раннем средневековье на латинском языке: *docere – delictare – movere* (учить, нравиться, трогать) [1, 13]. Она отмечает сущность проповеди до сих пор – поучение на духовно-нравственные темы, составленное по законам красноречия, раскрывающее Слово Божье как цель спасения человека.

Выдающимся русским проповедником XX в. был архимандрит Псково-Печерского монастыря Иоанн (Крестьянкин). Замечательным произведением его творческого наследия является «Слово о малом доброделании» [2, с. 200 - 207], в котором глубокое истолкование христианских истин сочетается с совершенством формы.

Ведущие компоненты семантики и структуры проповеди – ключевые слова – становятся доминантами текста, получая идеологическую перспективу (сакрализацию) и композиционную значимость.

1. Зачин проповеди, её основополагающий тезис, исходно динамичен: «Многие люди думают, что жить по вере и исполнять волю Божию очень трудно. На самом деле – очень легко. Стоит лишь обратить внимание на мелочи, на пустяки и стараться не согрешать в самых маленьких и легких делах» [2, с. 200]. Динамика тезиса, заложенная антиномией «трудно (жить по вере)» ↔ «легко», развернута в драматургию доказательств: «многие думают» ↔ «на самом деле», где представлены две точки зрения – общепринятая, обиходная, и предлагаемая автором и обосновываемая как истина в разрешении духовного конфликта. В основе этой антиномии – определение смысла человеческой жизни, путей Богопознания и служения Богу; содержание антиномии о.Иоанн определяет просто и точно – «жить по вере и исполнять волю Божию» [2, с. 200].

2. Ключевые слова трудно / легко приводят к смысловым центрам рассуждения – доминантам **большой** – **малый**, которые получают богословский смысл – сакрализацию – в условиях широкого контекста и развернуты в богословские дефиниции типов поведения: а) погибающего в бездействии ↔ б) спасающегося «желанием приблизиться к Богу» через поступки, через делание.

2.1. Воссоздавая общепринятую точку зрения, обиходное понимание духовного труда, о.Иоанн